

89-9
702

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА БОРЬБЫ ЗА СОЦИАЛИЗМ

10629.

ф.

Хрестоматия по истории Р. К. П.

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ТОВАРИЩА ЛЕНИНА.

Издательство Заккрайкома Р. К. П. (б.).
Т и ф л и с
1923.

Инд. № ~~27966~~

к

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редакционной комиссии.	3
Двадцать пять лет РКП	5
Опыт РКП—достояние мирового коммунизма	7
Особенности развития РКП	7
В борьбе с какими врагами возникла и развилась РКП	8—10
Образование с.-д. партии. Зарождение большевизма	11—13
Главнейшие этапы в развитии большевизма	13—16
Возникновение и развитие РКП (большевиков).	16—17
На заре рабочего движения.	19
Первый с'езд Р. С.-Д. Р. П.— <i>Б. Эдельмана.</i>	21—26
Манифест Р. С.-Д. Р. П.	26—27
Решения первого с'езда Р. С.-Д. Р. П.	27
Дальнейшая судьба некоторых организаторов перв. с'езда— <i>В. Невскою.</i>	27—28
Северно-Русский Рабочий Союз— <i>Г. Плеханова.</i>	28—30
Программа Северно-Русского Рабочего Союза— <i>Н. Батурина.</i>	30
Благоевская группа— <i>В. Невскою.</i>	31—32
Проект программы Благоевской группы	32
Рабочие кружки в Петербурге.— <i>В. А. Шелунова.</i>	32—34
Первые маевки в России— <i>С. Валка.</i>	34—37
О первом кружке С.-Д.Р.П. г. Екатеринослава в 1894 г.— <i>А. Смирнова.</i>	37—38
Петербургские стачки 1896 г.— <i>В. Колменского.</i>	39—40
Николаевский Южно-Русский Союз— <i>В. Стратена.</i>	40—44
Полузабытое— <i>М. Эссен.</i>	44—46
От первого до второго с'езда— <i>Л. Мартова.</i>	46—51
Июльские стачки— <i>Д. Сверикова.</i>	52
О чем говорят нам июльские дни— <i>В. Засулч.</i>	52—54
На пути к власти.	55
С.-д. организация в Петербурге накануне 9-го января— <i>В. Невскою.</i>	57—59
9-е января 1905 года— <i>М. Горького.</i>	59—61
Перед грозой— <i>Д. Сверикова.</i>	61—63
Петербургский Совет в 1905 г.— <i>Л. Троцкого.</i>	63—68
После 1905 года— <i>М. Ольминского.</i>	68—69
Под гнетом контр-революции	69—72
Ленский расстрел— <i>Г. Лелевича.</i>	72—75
Политическая стачка в России— <i>Л. Каменева.</i>	75—78
Выход из подполья— <i>В. Н. Залежского.</i>	79—81
Приезд тов. Ленина в Россию— <i>Ф. Раскольникова.</i>	81—83
Октябрьская революция— <i>Л. Троцкого.</i>	83—84
Об историческом смысле Октября— <i>Я. Яковлева.</i>	84—86
Коммунистическая партия после Октября— <i>А. Эссена.</i>	86—87
На шестой год— <i>В. Молотова.</i>	87—90
Борьба за революционный марксизм.	91
Истинные задачи социалистов в России— <i>Г. Плеханова.</i>	93—96
Речь на Междунар. раб социал конгрессе в Париже в 1889 г.— <i>Г. Плеханова.</i>	96—97
Русские субъективисты— <i>Г. Плеханова.</i>	97—99
Стихийность масс и сознательность соц.-демократии— <i>Н. Ленина.</i>	100—102
Партийность и кружковщина— <i>Н. Ленина.</i>	102—103
Две тактики— <i>Н. Ленина.</i>	103—107
Революционный авантюризм— <i>Н. Ленина.</i>	107—111

	Стр.
Бойкот Первой Думы— <i>Н. Ленина</i>	111—113
Руководитель демократической революции или ее орудие?— <i>Л. Каменева</i>	113—114
Об отзовизме— <i>Л. Каменева</i>	114—117
С.-демократические октябристы— <i>Г. Плеханова</i>	117—118
Ликвидаторы и рабочее движение— <i>Л. Каменева</i>	118—120
Об эмпириокритицизме— <i>Н. Ленина</i>	121
Об эмпириомонизме— <i>Г. Плеханова</i>	121—123
Не по дороге— <i>Л. Каменева</i>	123—125
Манифест о войне—Цен. Ком. Р. С.-Д. Р. П.	125—126
От ликвидаторства к национал-ликвидаторству— <i>Г. Зиновьева</i>	127—129
О „демократии“ и диктатуре— <i>Н. Ленина</i>	130—131
Диктатура пролетариата— <i>Л. Троцкого</i>	131—133
О самоопределении наций— <i>Н. Ленина</i>	133—134
Революционная тактика и „левое“ доктринерство— <i>Н. Ленина</i>	134—136
О компромиссе— <i>Н. Ленина</i>	137
Пролетариат и крестьянство— <i>Н. Ленина</i>	138—141
Партийная пресса.	143
Партийная пресса в России— <i>М. Эссен</i>	145—146
Марксизм в ранней русской литературе— <i>П. Орловского</i>	146—148
„Рабочая Заря“ № 1.	148—149
Легальный марксизм— <i>П. Орловского</i>	149—151
Спор народников с марксистами— <i>Б. Горева</i>	152—153
Журнал „Наше Дело“— <i>В. Невского</i>	153—155
Группа „Рабочей Газеты“— <i>Б. Эйдельмана</i>	155—158
Объявление об издании „Искры“	158—159
Рабочая газета „Правда“— <i>М. Ольминского</i>	160—166
Газета „Правда“ и заграничный большевистский центр— <i>Г. Зиновьева</i>	166—168
„Голос“ и „Наше Слово“— <i>Л. Троцкого</i>	168—169
Последняя нелегальная типография— <i>Лашиса</i>	169—170
Наши вожди.	171
Беглые мысли о Плеханове— <i>Л. Троцкого</i>	173—174
Плеханов в борьбе с противниками революционного марксизма— <i>Б. Горева</i>	175—177
Плеханов и Октябрьская революция— <i>Н. Порданского</i>	177—178
О литературном наследстве Плеханова— <i>Л. Дейча</i>	178—179
Вожди пролетарской революции— <i>М. Эссен</i>	179—181
Национальное в Ленине— <i>Л. Троцкого</i>	181—182
Ленин, как революционный теоретик— <i>Н. Бухарина</i>	182—183
Организатор и вождь РКП— <i>Н. Сталина</i>	184—186
Автобиографическая заметка— <i>Л. Троцкого</i>	186—188
Первые шаги— <i>В. Невского</i>	188
Л. Троцкий—организатор победы— <i>К. Радек</i>	189—191
Партия на Кавказе.	193
На заре рабочего движения (1893—1903 г.г.)— <i>С. Годрия</i>	195—196
Падение Советской власти в Баку в 1918 году— <i>А. Эссена</i>	196—202
К истории Компартии в Закавказьи— <i>Ф. Махарадзе</i>	202—209
Первое первомайское празднование в Гурии— <i>Ф. Каландадзе</i>	209—211
Из славной истории 1903—1910 гг.	211—212
Из истории Компартии в Грузии— <i>Т. Жикети</i>	213—215
Коммунисты в Армении— <i>С. Ханояна</i>	215—221
Основные моменты развития Азерб. Компартии— <i>Д. Гусейнова</i>	221—226
Воспоминания о революционном движении в Закавказьи— <i>С. Якубова</i>	226—227
К истории празднования 1-го мая на Кавказе.	227—234
История подпольной печати	235—245
Из прошлого нашей партии (1904—1908 г.г.)— <i>А. Стопани</i>	245—252
К истории Компартии на Тереке— <i>С. Такова</i>	253—

Об эмпириокритицизме.

С четырех точек зрения должен подходить марксист к оценке эмпириокритицизма.

Во-первых и прежде всего, необходимо сравнить теоретические основы этой философии и диалектического материализма. Такое сравнение показывает по всей линии гносеологических вопросов сплошную реакционность эмпириокритицизма, прикрывающего новыи вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки идеализма и агностицизма. Только при абсолютном невежестве относительно того, что такое философский материализм вообще и что такое диалектический метод Маркса и Энгельса, можно толковать о «соединении» эмпириокритицизма с марксизмом.

Во-вторых, необходимо определить место эмпириокритицизма, как одной очень маленькой школки философов-специалистов, среди остальных философских школ современности. Начав с Канта, и Мах и Авенариус пошли от него к материализму, а в обратную сторону, к Юму и к Беркли. Воображая, что он «очищает опыт» вообще, Авенариус на деле очищал только агностицизм от кантианства. Вся школа Маха и Авенариуса идет к идеализму все более определенно, в тесном единении с одной из самых реакционных идеалистических школ, т.-наз. имманентами.

В третьих, надо принять во внимание несомненную связь механизма с одной школой в одной отрасли новейшего естествознания. На стороне материализма неизменно стоит подавляющее большинство естествоиспытателей как вообще, так и в данной специальной

отрасли, именно: в физике. Меньшинство новых физиков, под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний, скатились, в силу незнания диалектики, через релятивизм к идеализму. Модный физический идеализм наших дней такое же реакционное и такое же кратковременное увлечение, как модный физиологический идеализм недавнего прошлого.

В четвертых, за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партии в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массу, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Об'ективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности.

Н. Ленин

(«Материализм и эмпириокритицизм»).

Об эмпириомонизме.

Прекрасно дополнили вы Маха, г. Богданов. Я не шутя говорю это. Мах, как физик, все-таки сбивался иногда на материализм; в этом смысле, Мах грешил дуализмом. Вы исправили его погрешность. Вы сделали его философию идеалистической от альфы до омеги. Нельзя не похвалить вас за это.

Вы не подумайте, г. Богданов, что говоря это, я насмехаюсь над вами. Совершенно напротив, я собираюсь сказать вам комплимент,—и даже, пожалуй, очень большой комплимент. Ваши рассуждения напомнили мне учение Шеллинга о творческом интеллекте, который созерцает свою собственную деятельность, но не знает этого процесса созерцания и потому представляет себе его продукты, как извне данные об'екты. Конечно, у вас это учение Шеллинга значительно видоизменилось и приняло, можно сказать, карикатурный вид. Но для вас должно служить утешением уже одно то обстоятельство, что вы—карриатура все-таки очень большого человека.

И заметьте, что, говоря вам этот комплимент,—который, я согласен, может показаться вам сомнительным,—я вовсе не хочу сказать, что когда вы делали свое самостоятельное дополнение к «философии» Маха, вы знали, что вы только видоизменяете чужое, и притом уже довольно-таки старое, идеалистическое учение. Нет, я полагаю, что это старое учение, благодаря некоторым свойствам окружавшей вас «среды», совершенно без вашего ведома «отразилось» в вашей голове, как «комплекс» философских выводов из главных приобретений «новейшего естествознания». Но идеализм остается идеализмом совсем независимо от

того, сознает или не сознает его природу тот, кто его проповедует. Развивая на свой лад—т. е. искажая,—бессознательно усвоенный вами идеализм, вы «естественно» приходите к чисто идеалистическому взгляду на материю. И хотя вы отклоняете то предположение, что, по вашему мнению, «физическое» есть лишь «инобытие» «психического», но, на самом деле, предположение это вполне соответствует истине. Ваш взгляд на материю и на все физическое, повторю, насквозь пропитан идеализмом. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать, например, хоть это ваше глубокомысленнейшее соображение, относящееся к области физиологической химии: «Словом, следует признать наиболее вероятным, что организованный живой белок есть физическое выражение («или отражение»), непосредственных переживаний психического характера, конечно, тем более элементарных, чем более элементарна организация этого живого белка в каждом данном случае». Само собою ясно, что химик и физиолог, которые хотели бы встать на эту точку зрения, должны были бы создать чисто идеалистические «дисциплины», вернуться к «спекулятивному» естествознанию Шеллинга.

Теперь уже не трудно понять, что собственно происходит, когда один человек воспринимает тело другого. Тут прежде всего надо обратиться к кавычкам, играющим такую важную роль в вашей «философии», г. Богданов. Один человек видит вовсе не тело другого человека,—это материализм, недостойный «современного естествознания»,—он видит его «тело», т.-е. тело в кавычках, хотя эти последние он замечает только в том случае, если принадлежит к «эмпириомонистиче-

ской» школе. А кавычки при теле означают, что «сие надлежит понимать духовно», как выражается катехизис, или психически, как выражаемся мы с вами, г. Богданов. «Тело» есть не более, как своеобразное отражение (отражение при посредстве неорганической среды) одного комплекса переживаний в другом таком же комплексе. Психическое (в кавычках и без оных) предшествует, как «физиологическому» (и физическому), так и «физиологическому» (и физиологическому).

Вот, г. Богданов, ваша книжная мудрость.

Вот смысл вашей философии всей.

Или, чтобы выразиться скромнее, вот смысл того, что носит у вас пышное название систематизированной, исправленной подстановки.

«С точки зрения систематизированной, исправленной подстановки,—вещаете вы,—вся природа представляется, как бесконечный ряд «непосредственных комплексов», материал которых тот же, что и «элементы» опыта, а форма характеризуется самыми различными степенями организованности, от низших, соответствующих «неорганическому миру», до высших, соответствующих «опыту» человека. Эти комплексы взаимно влияют одни на другие. Каждое отдельное «восприятие из внешнего мира» есть отражение какого-нибудь из таких комплексов в определенном, сложившемся комплексе—живой психике; а «физический опыт»—результат коллективно - организующего процесса, гармонически объединяющего такие восприятия. «Подстановка» же дает как бы обратное отражение отражения, более сходное с «отражаемым», чем первое отражение: так мелодия, воспроизводимая фонографом, есть второе отражение мелодии, им воспринятой; и она несравненно более похожа на эту последнюю, чем первое отражение—черточки и точки на валике фонографа».

Кто хоть на минуту усумнится в идеалистическом характере подобной философии, с тем бесполезно вести философские споры: тот совершенно безнадежен в философском отношении.

Я назвал бы вас *enfant terrible*, школы Маха, если бы столь тяжеловатый «комплекс» непосредственных «переживаний» мог быть сравнен с шаловливым и резвым ребенком. Но вы во всяком случае разболтали тайну школы, сказали вслух то, что она стеснялась говорить при чужих. Вы поставили идеалистические «точки» над теми идеалистическими «и», которыми характеризуется «философия» Маха. И, повторяю, вам захотелось поставить эти точки по той причине, что «философия» Маха (и Авенариуса) показалась вам недостаточно монистичной. Вы почувствовали, что монизм этой «философии» есть идеалистический монизм. И вы взялись «дополнять» ее в идеалистическом духе. Орудием труда послужила вам, в этом случае, построенная вами теория об'ективности. С ее помощью вы легко изготовили все прочие ваши философские блага...—скажем: благоприобретения. Вы сами признаете это в следующих строках, отличающихся, на вашу беду, не в пример прочим строкам, выходящим из под вашего тяжеловесного пера, замечательной ясностью.

«Так как история психического развития показывает, что об'ективный опыт с его нервной связью и стройной закономерностью есть результат долгого развития, и лишь шаг за шагом кристаллизуется из потока непосредственных переживаний, то нам оставалось только принять, что об'ективный физиологический процесс есть «отражение» комплекса непосредственных переживаний, а не наоборот. Дальше оставался вопрос: если «отражение», то в чем же именно? Ответ мы дали сообразно с принятой нами социально-монистической концепцией опыта. Признавая общезначимость об'ективного опыта за выражение его социаль-

ной организованности, мы пришли к следующему эмпириомонистическому выводу: жизнь физиологическая есть результат коллективной гармонизации «внешних» восприятий живого организма, из которых каждая является отражением одного комплекса переживаний в другом (или в нем самом). Другими словами: «физиологическая жизнь есть отражение жизни непосредственной в социально-организованном опыте живых существ».

Последняя фраза:—«физиологическая жизнь есть отражение жизни непосредственной в социально-организованном опыте живых существ»—ручается как за то, что вы идеалист, так и за то, что вы—«оригинальный» идеалист. Только идеалист может рассматривать физиологические процессы, как «отражение» непосредственных психических переживаний. И только окончательно зарпортовавшийся идеалист может утверждать, что «отражения», относящиеся к области физиологической жизни, являются результатом социальной организации опыта, т.е. продуктом жизни общественной.

Но, разболтав тайну «эмпириокритицизма», вы ровнехонько ничего не прибавили к этой «философской» доктрине, кроме ни с чем несообразных и непримиримо противоречивых измышлений. Читая эти измышления, испытываешь почти то же, что пришлось «пережить» Чичикову на ночлеге в доме Коробочки. Перина была мастерски взбита для него Фетиньей почти до потолка; но, «когда, подставивши стул, взобрался он на постель, она опустилась под ним почти до самого пола, и перья, вытесненные им из пределов, разлетелись во все углы комнаты». Ваши «эмпириомонистические» измышления тоже поднимаются почти до потолка: так много в них разных ученых терминов и мнимой премудрости. Но уже от легкого прикосновения критики из вашей «философической» перины во все стороны летят перья, и удивленный читатель стремительно опускается вниз, чувствуя, что попадает в туманную глубину самой бессодержательной метафизики. И именно потому критиковать вас совсем не трудно, но за то до последней степени скучно. Это и побудило меня в прошлом году отвернуться от вас и взяться за критику вашего учителя. Но так как вы претендовали на самостоятельное значение, то я вынужден был заняться разбором этой вашей претензии. Я показал, до какой степени несостоятельна ваша «теория об'ективности», и до какой степени извращает естественную связь явлений ваше учение о «подстановке». Этого довольно. Преследовать вас дальше—значило бы напрасно тратить время: читатель видит теперь, какую цену имеет ваше «самостоятельное» лобомудрие.

В заключение скажу одно. Не то печально, что в нашей литературе мог явиться такой «комплекс непосредственных переживаний», как вы, г. Богданов, а то, что «комплекс» этот мог играть в ней некоторую роль. Вас читали; некоторые ваши философские книжки выдержали по нескольку изданий. Да и с этим еще можно было бы помириться, если бы ваши сочинения покупались, читались и одобрялись только обскурантами. Они не заслуживают лучшей духовной пищи. Но невозможно примириться с тем, что вас читали и принимали в серьез люди передового образа мыслей. Это—крайне плохой знак. Это показывает, что мы переживаем теперь время беспримерного умственного упадка. Чтобы принять вас за мыслителя, способного дать философское обоснование марксизму, нужно было не иметь решительно никаких сведений ни по части философии, ни по части марксизма. Невежество всегда нехорошо; оно всегда опасно для всех людей, а особенно для тех, которые хотят идти вперед. Но его опасное значение удваивается для этих людей в пе-

риоды общественного застоя, когда они обязаны с особенной энергией вести «борьбу духовным оружием». Оружие, выкованное вами, г. Богданов, совсем не годится для передовых людей; оно обеспечивает им не победу, а поражение. Хуже того. Сражаясь этим оружием, они сами превращаются в рыцарей реакции, прокладывая дорогу для мистицизма и всякого рода суеверия.

Очень ошибаются те наши иностранные единомышленники, которые думают, подобно моему другу Каутскому, что нет надобности ломать копья из-за этой «философии», которая у нас распространяется вами и вам подобными теоретическими ревизионистами. Каутский не знает русских отношений. Он упускает из виду, что теоретическая буржуазная реакция, ко-

торая производит теперь настоящее опустошение в рядах нашей передовой интеллигенции, совершается у нас под знаменем философского идеализма, и что, вследствие этого, особенный вред грозят принести нам такие философские учения, которые, будучи идеалистическими по всему своему существу, в то же время выдают себя за последнее слово естествознания, чуждого всяких метафизических предпосылок. Борьба с такими учениями не только не излишня, но прямо обязательна, как обязательен протест против реакционной «переоценки ценностей», добытых продолжительными усилиями русской передовой мысли.

Г. Плеханов.

(«От обороны к нападению». Ответ г. А. Богданову).

Не по дороге.

Русское «общество» проводит теперь время в болтовне обогостроительстве и богоискательстве. Этой пошлости отведен теперь красный угол в контр-революционной пропаганде либеральных газет. И ни одна из них не отказывает себе в удовольствии покричать о том, что «ряд марксистов» встал на этот путь. Это — злоба дня. Товарищ А. Луначарский поместил в недавно изданном в России сборнике: «Литературный распад. Кн. 2» статью, в которой в ряде других тем, не подлежащих здесь нашему разбору, касается темы, не могущей остаться без внимания со стороны нашей газеты. Речь идет о методах пропаганды социализма, и о тех его формах, в которых социализм из ряда «строгих» холодных формул станет достоянием движущихся масс. Статья т. Луначарского, написанная по поводу беллетристического произведения, пошедшего в массы, потому и должна привлечь внимание всякого социал-демократа, что в ней вопросы выдвинутые беллетристом и художником, поставлены на почву практики социализма *). Наличие этой практической постановки вопроса в статье т. Луначарского, не нуждается в доказательствах. Но полезно будет отметить, что т. Луначарский исходит из следующих неоспоримых положений: на стр. 91 он указывает, что к научному социализму «могут и должны придти многие представители коренной крестьянской и мелко-буржуазной интеллигенции», затем «такие элементы, которые являются переходными типами к ремесленному и сельскому пролетариату и самый пролетариат этого рода» и, наконец, говоря о политической гегемонии пролетариата, о революционном сотрудничестве его с крестьянством, в том понимании, которое дано и Каутским и большевизмом, устанавливает неизбежность того или иного влияния пролетарской идеологии на мелкую буржуазию. Все это так, все это неоспоримо, и наше разногласие с т. Луначарским начинается только тогда, когда он ставит вопрос, способна ли «трудовая масса» воспринять пролетарскую истину «во всей ее чистоте». И он прав, когда отвечает на этот вопрос решительным отрицанием. Ведь иначе нам с Луначарским пришлось бы толковать о «гегемонии» не в том смысле, который мы с ним придаем этой линии, не в смысле «революционного сотрудничества» Каутского и большевиков, а в смысле социалистической революции. Ошибка Луначарского заключается в том, что он по-

лагает, что существуют какие-то другие способы привлечения трудовых масс к знамени научного социализма, кроме того экономического процесса, который пролетаризирует эти массы и передвигает их на точку зрения пролетариата. Луначарский, вопреки, основоположникам научного социализма, полагает, что самому социализму можно придать форму более приемлемую для полупролетаризированных слоев. А так как здесь мы видим незаконное распространение «революционного сотрудничества» на сферу идейную и, следовательно, компрометированье самого принципа «революционного сотрудничества», как он отстаивается — и правильно отстаивается — Каутским, то мы и должны решительным образом протестовать против этого зигзага в мышлении т. Луначарского.

Эта основная фальшивая нота — стремление придать социализму более приемлемую для непролетарских слоев форму — играет с т. Луначарским скверную шутку. Он стремится приблизить «трудовые массы», полукрестьян («герой «Исповеди» Матвей, — пишет т. Луначарский, — не социал-демократ, не рабочий, а полукрестьянин; это следует хорошенько заметить») к свету научного социализма, а выходит так, что его социализм становится похожим на полусознательные мечты и порывания крестьян. Что в этих мечтах — вполне естественно, как это неоднократно раз'ясняли все марксисты, и неизбежно, как показывают все крестьянские, революционные движения, — сказываются общие начала социализма утопического, что у «полукрестьянина», т. е. крестьянина, оторвавшегося от стародедовского уклада и выброшенного в гущу капиталистического общества, приотливо переплетаются эти начала крестьянского социализма с режущими впечатлениями новой жизни и комбинируются с методами мышления, вынесенными из первобытной среды — все это так. Но видеть в этом «поистине прекрасное» «преломление» пролетарского мирозерцания в головах самородков — как это хочет представить Луначарский — это значит забывать критические задачи пролетарского социализма ради революционных задач демократа.

А у Луначарского выходит именно так. Оговорившись, что Иона — первый представитель пролетарского света, с которым встречается наш полукрестьянин, — «не удовлетворяет всем тем требованиям, которые предъявляются к сознательному партийному пропагандисту», Луначарский немедленно переходит к возвеличению вновь открытой формы социализма. «Иона, — пишет он, — дает общую истину, не определяя ее точно. И в этой общей форме она доступнее такому человеку,

*) Статья т. Луначарского была написана по поводу повести Максима Горького «Исповедь».